
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ POLITICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 3—16.

Woman in Russian Society. 2023. No. 3. P. 3—16.

Научная статья

УДК 316.34

DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.1

ПОЛ, ВОЗРАСТ, ВЛАСТЬ (К вопросу о социальной стереотипизации в современной политике)

Татьяна Борисовна Рябова, Олег Вячеславович Рябов

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru

Аннотация. Рассматривается проблема политического измерения гендерно-возрастной стереотипизации. В первой части статьи затрагивается вопрос о том, как связаны между собой возраст и власть; во второй предметом анализа выступает специфика гендерно-возрастной стереотипизации; в третьей обозначаются контуры проблемного поля изучения гендерно-возрастных стереотипов в политике (в том числе в символической политике, политических предпочтениях, распределении статусных позиций во власти и др.). Показывается, что в политике стереотипы пола и возраста могут как усиливать, так и ослаблять влияние друг друга. Авторы приходят к выводу о том, что гендерно-возрастные стереотипы выступают одним из ресурсов власти.

Ключевые слова: социальная стереотипизация, гендерно-возрастные стереотипы, символическая политика, «цветные революции», ресурс власти

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01414 «Возраст и власть. Возрастная стереотипизация в современной российской политике», URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01414/>.

Для цитирования: Рябова Т. Б., Рябов О. В. Пол, возраст, власть: (к вопросу о социальной стереотипизации в современной политике) // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 3—16.

Original article

GENDER, AGE, POWER
(On the issue of social stereotyping in contemporary politics)

Tatiana B. Riabova, Oleg V. Riabov

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation, riabova2001@inbox.ru

Abstract. The article dwells upon the problem of political dimension of gender-age stereotyping. The first part of the paper focuses on the issues of intersections of age and power; the second one deals with specific of gender-age stereotyping; the third section sketches the contours of problem field of studying the gender-age stereotypes in politics (including symbolic politics, political preferences, the distribution of status positions in power structures, and others). The article demonstrates that in political sphere stereotypes of sex and age can both strengthen and weaken the influence of each other. The authors point out that gender-age stereotypes function as one of the resources of power.

Key words: social stereotyping, gender-age stereotypes, symbolic politics, “colour revolutions”, resource of power

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 23-28-01414 “Age and power. Age stereotyping in contemporary Russian politics”, URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01414>.

For citation: *Riabova, T. B., Riabov, O. V.* (2023) Pol, возраст, vlast': (K voprosu o sotsial'noi stereotipizatsii v sovremennoi politike) [Gender, age, power: (On the issue of social stereotyping in contemporary politics)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—16.

Введение

С установления того факта, что, говоря образно, «у власти есть пол», что мужчины и женщины имеют неравные возможности принимать участие в государственном управлении, по сути, берет начало гендерная политология. Социальные стереотипы, прежде всего гендерные, выступают заметным фактором, поддерживающим это неравенство. Среди направлений исследований стереотипов одним из основных является изучение взаимовлияния их различных видов, в числе которых, наряду с этническими, профессиональными, расовыми, исследуются и возрастные (см. об этом: [Schneider, 2003; Ageism... , 2002; Доброхлеб, 2007; Микляева, 2014; Колосова, 2019]). Уже первые исследования политологического измерения гендерно-возрастных стереотипов (ГВС), понимаемых нами как устойчивые, разделяемые, упрощенные представления о мужчинах и женщинах определенного возраста [Рябова, Рябов, 2020], показали, что они играют весомую роль в современной политике. Их значимость обуславливается тем, что проблематика возраста политиков (и их сторонников) все заметнее вовлекается в политическую риторику во всем мире. Например, в мае 2023 г. экс-глава МИД Австрии К. Кнайсль, характеризуя реакцию президента США Дж. Байдена и руководителей Государственного департамента на одно из событий международной

политики, написала в Твиттере: «Подростки с кучей морщин. Взрослые ведут себя по-другому»¹.

В настоящей статье мы рассмотрим, как происходит взаимодействие гендерных и возрастных стереотипов, обозначив контуры проблемного поля изучения ГВС в политике. В первой части мы затронем вопрос о том, как связаны между собой возраст и власть. Далее речь пойдет о специфике гендерно-возрастной стереотипизации. В заключительной части статьи мы отметим основные аспекты проблемы исследования роли ГВС в современной политике.

Возраст и власть

В то время как причины, формы и последствия политизации пола, в том числе и проблема гендерных стереотипов, интенсивно изучаются на протяжении десятилетий (см. об этом: [Рябова, 2009; Хасбулатова, Смирнова, 2020]), роль возрастных стереотипов в политике исследуется менее активно (среди значимых работ отметим: [Williamson et al., 1982; Клещенко, 2021; Мутаев, 2021; Ng et al., 2022]). Что выступает причиной использования возрастных маркеров в политике? Прежде всего, как отмечается в исследованиях по политической антропологии, различия в возрасте на всем протяжении человеческой истории влияли на возможности той или иной социальной группы принимать участие в управлении и заниматься политической деятельностью [Бочаров, 2001]. Еще М. Вебер в работе «Типы господства» анализировал геронтократию в контексте традиционного господства как власть старейшин, которые выступают адептами священной традиции [Вебер, 2008].

Обращение к методологии конструктивистского подхода требует проанализировать также причины приписывания возрасту тех или иных значений, оказывающих влияние на различные аспекты использования образов возраста в политике. Объективные различия, которые лежат в основе социальных границ между возрастными группами, в политике могут преувеличиваться или уменьшаться; социальные границы, таким образом, дополняются символическими [Рябова, Рябов, 2020]. Для того чтобы обосновать правильность собственного варианта проведения символических границ, акторы политики идентичности особенно охотно привлекают те маркеры, которые ассоциируются с природными характеристиками человека: расой, этничностью, полом; к их числу можно отнести и возраст. Эффективность возрастных маркеров в качестве символических пограничников определяется такими их свойствами, как связь с личным опытом индивидов, заметность, апелляция к природным признакам. Главная же черта, которая имеет особое значение в политическом дискурсе, — оценочность; возрастные характеристики могут быть использованы для обозначения социального неравенства. Это обусловлено тем, что оппозиция «ребенок — взрослый» выступает в качестве своеобразной матрицы отношений власти

¹ Karin Kneissl on Twitter. URL: https://twitter.com/Karin_Kneissl/status/1655325746955419650 (дата обращения: 10.06.2023). См. также: Экс-глава МИД Австрии Кнайсль назвала Байдена престарелым подростком // Russia Today. 2023. 8 мая. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1145839-baiden-knaisl-podrostok> (дата обращения: 10.06.2023).

и подчинения, отражающей существующие в обществе иерархии и поддерживающей их [Riabova, Riabov, 2020]. Как отметил индийский культуролог А. Нанди, идея детства как недоразвитости, промежуточного состояния на пути к норме — состоянию взрослого, причем именно взрослого белого мужчины — утверждается в западной цивилизации в эпоху модерности; в частности, она использовалась для легитимации колониализма: колониальные народы были представлены в имперском дискурсе как дети, которые нуждаются в помощи взрослых [Nandy, 1984: 359].

В политике сравнение индивида или сообщества с ребенком преследует цель показать их несамостоятельность и обосновать необходимость контроля за ними. Вместе с тем репрезентации старости также могут быть использованы для делегитимации политических акторов, для приписывания им неспособности эффективно участвовать в политических процессах. Атрибутирование политическим акторам качеств, ассоциируемых с детством или старостью, или же прямое уподобление их детям или старикам мы рассматриваем как приемы символической борьбы и обозначаем как соответственно символическую инфантилизацию и символическую сенилизацию [Riabova, Riabov, 2020: 125; Рябова, Рябов, 2020: 7].

Репрезентации возраста используются акторами символической политики на протяжении, вероятно, всей человеческой истории. Так, в период холодной войны образ власти в СССР как геронтократии был приемом дискредитации советской политической системы (см., напр.: [Cavanaugh, 1981]).

Гендерно-возрастная стереотипизация

Методологическим фреймом анализа ГВС является потестарный подход к социальной стереотипизации, который, в отличие от когнитивного и социально-психологического, рассматривает ее прежде всего как способ установления властных отношений [Pickering, 2001: 47]. Один из наиболее примечательных в теоретическом отношении ответов на вопрос, что именно оказывает влияние на гендерные отношения в обществе, связан с методологией интерсекционализма: дифференцирующие категории класса, расы, гендера, этничности, национальной и цивилизационной принадлежности взаимодействуют друг с другом, создавая при этом систему социальной иерархии [Crenshaw, 1991]. На наш взгляд, к ним можно добавить и возрастной признак [Riabova, Riabov, 2020].

Среди направлений исследования гендерной стереотипизации — изучение проблемы влияния на нее других стереотипов (этнических, профессиональных, расовых), включая и возрастные (см., напр.: [Kite et al., 1991])². Гендерные и возрастные стереотипы, наряду с этническими, обычно включают в так называемую большую тройку социальных стереотипов: они содержат больше информации, чем другие, в которых акцентируются лишь отдельные атрибуты социальной группы, и при этом выступают фактором, влияющим на социальную иерархизацию [Schneider, 2003: 437]. Характеристики пола и возраста могут оказывать совместное воздействие, усиливая или ослабляя влияние друг друга: содержание гендерных стереотипов корректируется при появлении дополнительной

² Это отражается в появлении в российском научном лексиконе такого термина, как «половозрастные / гендерно-возрастные стереотипы» (напр.: [Ермолаева, 2014]).

информации о возрасте индивида, и наоборот. Так, исследователи показали, что роль гендерных стереотипов менее значима при оценке женщин среднего и старшего возраста, поскольку их воспринимают как более агентивных и в большей степени приписывают им силу, зрелость решений, самообладание. Мужчины, в свою очередь, с возрастом считаются более терпимыми и коммуникабельными [Kite et al., 1991].

Взаимовлиянию гендерного и возрастного дискурсов способствует то обстоятельство, что они обладают сходными характеристиками: используются как маркеры в проведении символических границ, апеллируют к «естественным» основаниям дифференциации, связаны с отношениями власти и подчинения. И восприятие пола, и восприятие возраста отсылают к личному опыту индивидов, возраст и пол легко идентифицируются визуально.

Гендерно-возрастная стереотипизация в политике

Символическая политика

Характеризуя проблемное поле исследований гендерно-возрастной стереотипизации, прежде всего отметим использование ее в символической политике. Мы интерпретируем социальную (в том числе гендерную и возрастную) стереотипизацию как механизм символической политики, которую в отечественной политологии понимают как «публичную деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» [Малинова, Миллер, 2021: 11]. Подобный подход позволяет рассматривать использование ГВС как элемент борьбы политических акторов за выгодную для себя интерпретацию социальной реальности через различные формы символической политики: легитимацию власти, политику памяти, политику идентичности, легитимацию внешней политики и др.

Рассмотрим, как при помощи ГВС проводится такая форма символической политики, как легитимация власти. Стереотипные представления о власти требуют наделять ее маскулинными характеристиками; соответственно символическая демаскулинизация политических оппонентов является одним из приемов символической борьбы. Однако обладание эталонной маскулинностью предполагает наличие не только гендерных, но и возрастных признаков, а легитимность власти зависит в том числе от репрезентаций ее как зрелой [Рябова, Рябов, 2020]. Поэтому символическая инфантилизация выступает одновременно приемом демаскулинизации и тем самым делегитимации оппонента. Таким образом, лишение статуса взрослости политического актора означает и отрицание у него наличия характеристик традиционной маскулинности. В частности, как мы отмечали ранее, это обнаруживает себя в политической риторике современной России [там же]. Репрезентация представителей власти как взрослых и ответственных людей сопровождается символической инфантилизацией ее оппонентов; например, инфантильность участников протестов в России 2017—2021 гг. и их лидеров подчеркивалась в проправительственных СМИ [Riabov et al., 2022].

В свою очередь, делегитимация власти также предполагает использование ГВС. Одним из ее приемов является символическая сенилизация, которая при этом может включать в себя гендерные маркеры. Так, термин «умершие белые мужчины» (Dead White Men) появляется в начале 1990-х гг. в феминистской

критике для того, чтобы обозначить патриархатность культуры и ее западнотризм, подчеркнуть, что существующие интерпретации человеческой истории игнорируют тот вклад, который внесли женщины и представители незападных народов в развитие мировой культуры. В дальнейшем, однако, термин трансформируется в «старые белые мужчины»; теперь его использование преследует цель продемонстрировать, в чьих руках находится власть в настоящее время. Вероятно, распространение этого термина связано с той критикой, которой медиа, близкие к Демократической партии США, подвергали Д. Трампа и его администрацию. Собственно, обвинения со стороны оппозиционных сил в адрес власти в том, что она устарела, используются на всем протяжении человеческой истории; новым же стало объединение возрастного дискурса с гендерным. Более того, Республиканскую партию США стали обозначать как «Партию старых белых мужчин»³. Масла в огонь подлил бывший лидер США Б. Обама, который во время президентской кампании 2020 г. заявил, что мир страдает от «старых белых мужчин» у власти. «Если вы посмотрите на мир и посмотрите на проблемы, то увидите, что это <результат руководства>, как правило, старых людей, как правило мужчин, не уступающих дороге», — заявил он⁴.

В 2018 г. широко известным становится экологическое движение Греты Тунберг, в идеологии которого взрослые, «старые белые мужчины», обвиняются еще и в том, что они уничтожают будущее Земли [Vowles, Hultman, 2021].

Делегитимация власти при помощи ГВС используется и в технологиях «цветных революций». Ненасильственный характер «цветных революций» всячески акцентируется их идеологами. Именно поэтому в ряды участников протестов привлекаются те группы населения, которые символизируют отсутствие опасности и угрозы, уязвимость, миролюбие (дети, женщины, инвалиды). Для того же, чтобы дискредитировать власть, активно используются образы — правдивые или фальсифицированные — насилия над ними. В связи с этим интерес представляет такой элемент протестов, как участие в них «девушек в белых кофточках». Он появляется еще во время «бульдозерной революции» в Югославии в 2000 г. Д. Асламова, подготовившая серию репортажей о «цветных революциях», в которых их лидеры подробно рассказывали о тактике борьбы, объясняет смысл данной технологии так: «Если на манифестации намечается стычка с полицией, в первый ряд надо ставить девушек в белых кофточках и направлять на них камеры “дружественных” журналистов. При столкновении девочек обязательно затолкают, затопчут или даже поранят. Нежное испуганное девичье лицо и белая кофточка, заляпанная кровью, — этот кадр обойдет весь мир! Итог: режим дискредитирован»⁵. Контраст вооруженного взрослого мужчины

³ Напр.: Fang M. Here are the (mostly) old white men who will be running the Senate if the GOP takes over // Huffington Post. 2014. 25 June. URL: https://www.huffpost.com/entry/senate-republican-takeover_n_5530340 (дата обращения: 10.06.2023).

⁴ Обама считает, что мир страдает от старых белых мужчин у власти // News. 2019. 17 декабря. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/220673031> (дата обращения: 10.06.2023).

⁵ Асламова Д. Новый тип революций и революционеров // Комсомольская правда. 2012. 10 апреля. URL: <https://www.kp.ru/daily/25865/2831471/> (дата обращения: 10.06.2023).

и беззащитной юной женщины призван подчеркнуть неоправданную жестокость властей. Характеристики, содержащиеся в стереотипах пола и в стереотипах возраста, в данном случае усиливают друг друга.

Идея миролюбия, использование которой предназначено для получения протестующими морального преимущества над властью, акцентируется, когда девушки вручают сотрудникам силовых структур цветы. Этот жест получил известность после публикации фотографии, которая была сделана в 1967 г. на демонстрации против войны во Вьетнаме, состоявшейся у Пентагона: девушка протягивает цветок вооруженным солдатам национальной гвардии США⁶. Похожий жест стал своеобразной визитной карточкой первой «цветной революции» — «революции гвоздик» в Португалии (1974 г.): фото маленькой девочки, которая вставляет гвоздику в дуло автомата, получило известность во всем мире⁷.

ГВС используются и в стереотипизации избирателей, сторонников определенной политической силы, что оказывает влияние на восприятие тех или иных половозрастных групп с точки зрения их электоральных предпочтений. Так, избиратели Трампа стигматизируются как «старые белые мужчины» либеральными СМИ в США. Аналогичным образом обозначаются сторонники Брексита в Британии⁸.

В аспекте российской политики заслуживает внимания пример использования ГВС в репрезентациях краснодарского общественного движения «Отряды Путина», которое состоит в основном из женщин старшего возраста. Движение объявляет целью своей деятельности поддержку президента России. В контексте нашего исследования представляет интерес, как оппоненты «Отрядов» при их обсуждении эксплуатируют возрастные и гендерные стереотипы. В оппозиционных либеральных медиа, прежде всего социальных, высмеивали взгляды представителей этого движения как «кухонную политологию», называли их «Бабки Путина», ставили под сомнение их самостоятельность и субъектность. То есть в дискредитации «Отрядов» эйджистские предрассудки дополняются изрядной долей мизогинии⁹.

ГВС и политические предпочтения

Как было отмечено выше, дополнительная информация о статусной позиции индивида снижает роль тех или иных стереотипов в его восприятии [Deaux, Lewis, 1984]. В частности, эти закономерности изучены на материале экономической сферы; например, при оценке эффективности трудовой деятельности работа молодых женщин и пожилых мужчин оценивается, как правило, менее эффективно, чем работа молодых мужчин и пожилых женщин.

⁶ Цветок в автомате. URL: <https://sayanarus.livejournal.com/779062.html> (дата обращения: 10.06.2023).

⁷ Avatars.dzeninfra.ru. URL: https://avatars.dzeninfra.ru/get-zen_doc/1542444/pub_5c7e29f58e101c00b4cc850a_5c7e36a45a610d00b475e68c/scale_1200 (дата обращения: 10.06.2023).

⁸ Seed J. Angry Old White Men: Brexit Narratives and the Racialisation of Old Labour. 2022. 4 January. URL: <https://www.briefingsforbritain.co.uk/angry-old-white-men-brexit-narratives-and-the-racialisation-of-old-labour/> (дата обращения: 10.06.2023).

⁹ См., напр.: Бабки «Отряда Путина» с Кубани пригрозили «раздолбать» спутники Маска. URL: <https://krasnodar.bezformata.com/listnews/kubani-prigrozili-razdolbat-sputniki/110882867/> (дата обращения: 10.06.2023).

Что касается политической сферы, то исследователи рассматривали в первую очередь специфику восприятия избирателями возрастных различий политиков. Так, на российском материале было установлено, что пожилые политики воспринимаются, с одной стороны, как менее способные к активной деятельности, с другой — как более опытные и мудрые (напр.: [Мутаев, 2021]). Между тем ГВС не могут не сказываться на политических предпочтениях россиян, на уровне доверия политикам и государственным служащим разного ранга, на оценке эффективности их работы. На наш взгляд, в этой сфере можно выделить следующие направления исследования роли ГВС.

Прежде всего, это изучение включения ГВС в оценку политиков и управленцев высшего уровня (их персональных характеристик, эффективности работы и др.) и на основе этого анализ корреляции данных оценок с представлениями о легитимности их власти.

Далее, это анализ влияния гендерно-возрастной стереотипизации на оценку электорального поведения избирателей. Например, как при объяснении различий политического участия граждан используются их половозрастные характеристики. Известно, что в России женщины проявляют большую, чем мужчины, активность на выборах (см., напр.: [Саралиева и др., 1997; Айвазова, 2008]), поддерживая при этом в большей степени «партию власти». Кроме того, они голосуют, скорее, за личность кандидата, чем за его/ее программу [Айвазова, 2008]¹⁰. Не менее известными являются факты более высокой явки на выборы избирателей старшего возраста и большей поддержки власти, которую демонстрируют представители старшего поколения¹¹.

Затем, это исследование роли ГВС в образе политика/управленца, которое позволит не только понять значимость взаимовлияния гендерных и возрастных характеристик, но и использовать их, например, в конструировании политического имиджа. Этот вопрос уже изучался на материале гендерных стереотипов [Рябова, 2009]; в ряде работ, вышедших в последние годы, к анализу гендерного фактора добавлено изучение фактора возрастного (см., напр.: [Козлова, Монахова, 2022]).

Наконец, это анализ специфики взаимовлияния гендерных и возрастных стереотипов применительно к политической сфере. До сих пор проблема исследовалась не на материале политики. Существует несколько точек зрения на то, как происходит это взаимодействие. Согласно первой, разные виды стереотипов усиливают или ослабляют друг друга. Например, добавлением в характеристику политика-мужчины маркера среднего возраста мы, предположительно, обеспечиваем дополнительное преимущество, поскольку оба статуса оцениваются

¹⁰ Подобные различия в электоральном поведении характерны и для других стран. Так, в США женский электорат в большей степени симпатизирует демократам, чем республиканцам, поскольку те объявляют приоритетными решение социальных и экономических вопросов (см., напр.: [Seltzer et al., 1997: 34—35, 37]); о современных тенденциях см. материалы РИА «Новости». См. также: Пол, раса, возраст и образование определяют итоги выборов в США. URL: <https://ria.ru/20201009/vybory-1578961220.html> (дата обращения: 10.06.2023).

¹¹ См., напр., результаты явки на последних российских президентских выборах (ВЦИОМ назвал средний возраст большинства проголосовавших на выборах // РИА «Новости». 2020. 3 марта (ria.ru). URL: <https://ria.ru/20180318/1516645631.html?ysclid=lihl28gk6a768590339> (дата обращения: 20.06.2022)).

как наиболее предпочтительные для политика. Сторонники второй точки зрения полагают, что оценки социально-демографических групп зависят от характера взаимоотношений между ними и фактора ингруппового фаворитизма (иными словами, разделяют ли женщины и мужчины разных возрастов оценки своей возрастной и гендерной группы; это важно и в отношении политиков, и в отношении избирателей). Третья точка зрения связана с учетом специфики влияния на стереотипизацию социального и политического контекста. В случае стереотипизации политиков, например, имеет значение, с кем их сравнивают и какую роль играет гендерная и возрастная идентичность того, кто является субъектом стереотипизации [Schneider, 2003: 134—137] (обзор всех концепций см.: [Рябова, 2009]). Скажем, если молодой политик-мужчина репрезентирует себя в качестве молодого человека, то более значимыми для него становятся возрастные различия; при этом других молодых людей, включая женщин, он будет воспринимать как похожих на себя, как «своих».

ГВС и распределение статусных позиций во власти

Еще одно перспективное направление изучения темы — анализ влияния гендерно-возрастной стереотипизации на непосредственное распределение статусных позиций во власти, на доступ к власти. Разделяемые представления об областях экспертизы мужчин и женщин различного возраста становятся фактором политики как собственно управленческой деятельности. Влияние гендерных стереотипов на оценку сфер компетенций мужчин и женщин в политике уже становилось предметом политологического анализа: согласно данным исследования О. А. Хасбулатовой, предпринятого в 2001 г., более 80 % респондентов обоего пола (в том числе 35,4 % — «безусловно») поделили сферы деятельности на «мужские» и «женские», отнеся к первым политическую, военную, дипломатическую, управленческую деятельность, ко вторым — социальную сферу, сферу услуг и культуру [Хасбулатова, 2001].

Наличие статуса возраста у политиков разного пола, предположительно, вносит коррективы в их оценку. Социологи, с одной стороны, подчеркивают, что женщины старшего возраста подвергаются в обществе двойной стигматизации: и как женщины, и как пожилые люди [Григорьева, 2018], с другой — показывают влияние на оценки национально-культурных особенностей (в частности, в русской культуре высоко ценится статус зрелой женственности, женщины-матери).

Нам представляется важным исследовать, как эти закономерности работают в отношении политиков разного возраста. Например, меняются ли понятия о компетентности чиновницы, работающей в сфере социальной защиты детства, в случае, если это молодая женщина, женщина среднего возраста, пожилая женщина. На эти оценки, предположительно, могут влиять и убежденность в большей агентивности женщин среднего и старшего возраста, и мнение о том, что женщины репродуктивного возраста с большим пониманием относятся к проблемам материнства и детства. Далее, необходимо учитывать, что и гендерные, и возрастные стереотипы используются при дифференциации оценок эффективности политиков на разных уровнях власти. В частности, женщин в большей степени готовы видеть на посту губернатора (и тем более на посту мэра), чем на посту президента [Рябова, 2009: 196—287]; людей старшего поколения, которым приписывают особый опыт и мудрость, в большей степени

рассматривают как эффективных на постах, представляющих страну в международных организациях, чем на посту президента [Мутаев, 2021]. Взаимодействие двух видов стереотипов в политической сфере, таким образом, может как усиливать, так и ослаблять влияние друг друга.

Вопрос о воздействии ГВС на принятие управленческих решений женщинами и мужчинами разного возраста (в какой степени и каким образом представители разных поколений политиков и управленцев учитывают гендерно-возрастную стереотипизацию в отношении себя и других, насколько они подвержены влиянию ГВС на принятие ими решений) также представляет интерес для политологов. Так, в ряде исследований уже была показана специфика использования молодыми женщинами-депутатами социальных сетевых ресурсов в своей работе (см., напр.: [Козлова и др., 2022]). Очевидно, что возрастной фактор должен быть значимым и в других технологиях власти, используемых мужчинами и женщинами.

Заключение

Возраст выступает одним из дифференцирующих факторов (наряду с такими, например, как этничность или гендер), и, подобно тому как институционально оформились этнополитология и гендерная политология, в настоящее время происходит формирование новой отрасли политологического знания — возрастной политологии, направленной на изучение как возрастной обусловленности политических процессов и явлений, так и политической обусловленности — возрастных. В процессах гендерно-возрастной стереотипизации возрастные характеристики усиливают или ослабляют те или иные значения, которыми наделяются мужчины и женщины в гендерных стереотипах.

Взаимодействие и взаимовлияние гендерных и возрастных стереотипов обнаруживает себя в различных доменах политического: в символической политике, политических предпочтениях, распределении статусных позиций во власти и др. Гендерно-возрастные стереотипы выступают как один из ресурсов власти. У власти есть не только «пол», но и «возраст», которые коррелируют друг с другом. В качестве символа власти, как правило, используется образ взрослого мужчины. Делегитимация власти происходит либо через оспаривание взрослости политического лидера (при помощи символической инфантилизации или символической сенилизации), либо через разрушение данной символической конструкции власти как в гендерном, так и возрастном аспекте: через критику представлений, что наилучший политический лидер — это взрослый мужчина. При этом, заметим, активно эксплуатируются эйджистские предрассудки; даже либеральные политические акторы, избегающие использования сексистских или расистских стереотипов, к эксплуатации возрастных стереотипов относятся значительно менее ответственно.

В заключение отметим практическую важность исследования данной проблемы, значение которой связано в том числе с необходимостью дифференцированного подхода к участию в политике женщин всех возрастных групп, что следует принимать во внимание при реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023—2030 гг.

Список источников

- Айвазова С. Г. Российские выборы: гендерное прочтение. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. 439 с.
- Бочаров В. В. Антропология возраста. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 192 с.
- Вебер М. Типы господства // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 2. С. 27—40.
- Григорьева И. А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 5—18.
- Доброхлеб В. Г. Старшее поколение как объект социальных стереотипов // Гендерные стереотипы в современной России / под ред. И. Б. Назаровой, Е. В. Лобза. М.: ГУ ВШЭ: МАКС Пресс, 2007. С. 149—170.
- Ермолаева О. А. Половозрастные стереотипы у младших школьников и их родителей // Психология обучения. 2014. № 3. С. 56—70.
- Клеценко Л. Л. «Поколенческий разрыв» в дискурсе современных российских либеральных медиа // Комплексные исследования детства. 2021. Т. 3, № 2. С. 23—37.
- Козлова Н. Н., Монахова Ю. А. Гендерные аспекты электоральных ориентаций и образ политика в сознании россиян: региональный аспект // PolitBook. 2022. № 4. С. 57—73.
- Козлова Н. Н., Овчарова О. Г., Рассадин С. В., Васильева Е. Н. Сетевые ресурсы молодых депутатов региональных legislatures РФ: анализ публичного дискурса: (женский сегмент) // Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 43—56.
- Колосова В. В. Исследования стереотипов возраста в новой социально-психологической реальности: (взгляды отечественных ученых) // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7, № 5. С. 1—13.
- Малинова О. Ю., Миллер А. И. Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе / под ред. В. В. Лапина, А. И. Миллера. СПб.: ЕУ СПб., 2021. С. 7—37.
- Микляева А. В. Содержание возрастных стереотипов: эмпирическая типология // Письма в Эмиссия. Оффлайн. 2014. № 2. С. 21—48.
- Мутаев У. К. «Новый веник лучше метет». Результаты серии интервью махачкалинцев о возрастных стереотипах в политике // Комплексные исследования детства. 2021. Т. 3, № 2. С. 145—154.
- Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ: дис. ... д-ра социол. наук. Иваново, 2009. 385 с.
- Рябова Т. Б., Рябов О. В. «...Слышу речь не мальчика, но мужа»: о гендерно-возрастных стереотипах в политике // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 5—13.
- Саралиева З. М., Татарченко А. Ф., Балабанов С. С. Отношение к партиям и политические ориентации женщин // Женщины в зеркале социологии / под ред. О. А. Хасбулатовой. Иваново: Юнона, 1997. С. 12—16.
- Хасбулатова О. А. Гендерные стереотипы в политической культуре: специфика российского опыта // Женщина в российском обществе. 2001. № 3—4. С. 17—24.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Гендерные стереотипы в цифровом обществе: современные тенденции // Народонаселение. 2020. № 2. С. 161—171.
- Ageism: Stereotyping and Prejudice against Older Persons / ed. by T. D. Nelson. Cambridge; London: MIT press, 2002. 372 p.
- Cavanaugh C. Soviet gerontocracy: stability and change: (book review) // Review of Politics. 1981. Vol. 43, № 2. P. 316—317.
- Crenshaw K. W. Mapping the margins: intersectionality, identity politics, and violence against women of color // Stanford Law Review. 1991. Vol. 43, № 6. P. 1241—1299.

- Deaux K., Lewis L. L. Structure of gender stereotypes: interrelations among components and gender label // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. Vol. 45, № 5. P. 991—1004.
- Kite M. E., Deaux K., Miele M. Stereotypes of young and old: does age outweigh gender? // *Psychology and Aging*. 1991. Vol. 6, № 1. P. 19—27.
- Nandy A. Reconstructing childhood: a critique of the ideology of adulthood // *Alternatives: Global, Local, Political*. 1984. Vol. 10, № 3. P. 359—375.
- Ng R., Chow T. Yu. J., Yang W. The impact of aging policy on societal age stereotypes and ageism // *The Gerontologist*. 2022. Vol. 62, № 4. P. 598—606.
- Pickering M. *Stereotyping: the Politics of Representation*. New York: Red Globe Press, 2001. 246 p.
- Riabov O., Riabova T., Kleshchenko L. «Save the children!»: the symbol of childhood and (de)legitimation of power in Russian protests, 2017—21 // *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2022. Vol. 11, № 2. P. 235—252.
- Riabova T., Riabov D. Infantilising the Other: the metaphor of childhood in Russia's media discourse on international relations // *Australian Slavonic & East European Studies*. 2020. Vol. 34. P. 125—149.
- Schneider D. *The Psychology of Stereotyping*. New York; London: The Guilford Press, 2003. 704 p.
- Seltzer R. A., Newman J., Leighton M. V. *Sex as a Political Variable: Women as Candidate and Voters in US Elections*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1997. 189 p.
- Vowles K., Hultman M. Dead white men vs. Greta Thunberg: nationalism, misogyny, and climate change denial in Swedish far-right digital media // *Australian Feminist Studies*. 2021. Vol. 36, № 4. P. 1—18.
- Williamson J. B., Evans L., Powell L. *The Politics of Aging: Power and Policy*. Springfield (IL): Thomas, 1982. 331 p. URL: <https://www.google.ru/search?newwindow=1&hl=ru&sxsrf=APwXEdEXEMAVNjerVjYe2BTipq2B5D1csw:1685262715572&q=inauthor:%22Linda+Evans%22&tbm=bks> (дата обращения: 10.06.2023).

References

- Aïvazova, S. G. (2008) *Rossiïskie vybory: gendernoe prochtenie* [Russian elections: gender profile], Moscow: Institut sotsiologii Rossiïskoï akademii nauk.
- Bocharov, V. V. (2001) *Antropologïia vozrasta* [Anthropology of age], St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Cavanaugh, C. (1981) Soviet gerontocracy: stability and change: (Book review), *Review of Politics*, vol. 43, no. 2, pp. 316—317.
- Crenshaw, K. W. (1991) Mapping the margins: intersectionality, identity politics, and violence against women of color, *Stanford Law Review*, vol. 43, no. 6, pp. 1241—1299.
- Deaux, K., Lewis, L. L. (1984) Structure of gender stereotypes: interrelations among components and gender label, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 45, no. 5, pp. 991—1004.
- Dobrokhleb, V. G. (2007) Starshee pokolenie kak ob'ekt sotsial'nykh stereotipov [Older generation as an object of social stereotypes], in: Nazarova, I. B., Lobza, E. V. (eds), *Gendernye stereotypy v sovremennoï Rossii*, Moscow: Gosudarstvennyi universitet "Vysshiaia shkola ekonomiki", Maks Press, pp. 149—170.
- Ermolaeva, O. A. (2014) Polovozrastnye stereotypy u mladshikh shkol'nikov i ikh roditel' [Age and gender stereotypes among schoolchildren and their parents], *Psikhologïia obucheniia*, no. 3, pp. 56—70.

- Grigor'eva, I. A. (2018) Pozhilye zhenshchiny: "vniz po lestnitse" vozrasta i gendera [Elderly women: "over the hill" age- and gender-wise], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 5—18.
- Kite, M. E., Deaux, K., Miele, M. (1991) Stereotypes of young and old: Does age outweigh gender?, *Psychology and Aging*, vol. 6, no. 1, pp. 19—27.
- Khasbulatova, O. A. (2001) Gendernye stereotypy v politicheskoi kul'ture: spetsifika rossiiskogo opyta [Gender stereotypes in political culture: Russian experience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 17—24.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2020) Gendernye stereotypy v tsifrovom obshchestve: sovremennye tendentsii [Gender stereotypes in digital society: modern tendencies], *Narodonaselenie*, no. 2, pp. 161—171.
- Kleshchenko, L. L. (2021) "Pokolencheskii razryv" v diskurse sovremennykh rossiiskikh liberal'nykh media ["Generation gap" in the discourse of liberal media in contemporary Russia], *Kompleksnye issledovaniia detstva*, vol. 3, no. 2, pp. 23—37.
- Kozlova, N. N., Monakhova, Yu. A. (2022) Gendernye aspekty èlektoral'nykh orientatsii i obraz politika v soznanii rossiian: regional'nyi aspekt [Gender aspects of electoral orientations and the image of a politician in the minds of Russians: regional aspect], *PolitBook*, no. 4, pp. 57—73.
- Kozlova, N. N., Ovcharova, O. G., Rassadin, S. V., Vasil'eva, E. N. (2022) Setevye resursy molodykh deputatov regional'nykh legislatur RF: analiz publichnogo diskursa: (Zhenskii segment) [Network resources of young deputies of regional legislatures of the Russian Federation: analysis of public discourse: (Women's segment)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 43—56.
- Kolosova, V. V. (2019) Issledovaniia stereotipov vozrasta v novoï sotsial'no-psikhologicheskoi real'nosti: (Vzgliady otechestvennykh uchënykh) [Research of age stereotypes in the new socio-psychological reality: (Views of domestic scientists)], *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*, vol. 7, no. 5, pp. 1—13.
- Malinova, O. Iu., Miller, A. I. (2021) Vvedenie. Simvolicheskaiia politika i politika pamiati [Introduction. Symbolic politics and politics of memory], in: Lapin, V. V., Miller, A. I. (eds), *Simvolicheskie aspekty politiki pamiati v sovremennoi Rossii i Vostochnoi Evrope*, St. Petersburg: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, pp. 7—37.
- Mikliaeva, A. V. (2014) Soderzhanie vozrastnykh stereotipov: èmpiricheskaiia tipologiia [Content of age stereotypes: an empirical typology], *Pis'ma v Èmissiia. Offlain*, no. 2, pp. 21—48.
- Mutaev, U. K. (2021) "Novyi venik luchshe metët". Resul'taty serii interv'iu makhachkalintsev o vozrastnykh stereotipakh v politike ["A new broom sweeps clean". Interviews of the citizens of Makhachkala, Dagestan, on age stereotypes in politics], *Kompleksnye issledovaniia detstva*, vol. 3, no. 2, pp. 145—154.
- Nandy, A. (1984) Reconstructing childhood: a critique of the ideology of adulthood, *Alternatives: Global, Local, Political*, vol. 10, no. 3, pp. 359—375.
- Nelson, T. D. (ed.) (2002) *Ageism: Stereotyping and Prejudice against Older Persons*, Cambridge; London: MIT press.
- Ng, R., Chow, T. Yu. J., Yang, W. (2022) The impact of aging policy on societal age stereotypes and ageism, *The Gerontologist*, vol. 62, no. 4, pp. 598—606.
- Pickering, M. (2001) *Stereotyping: The Politics of Representation*, New York: Red Globe Press.
- Riabova, T. B. (2009) *Gendernye stereotypy v politicheskoi sfere sovremennogo rossiiskogo obshchestva: sotsiologicheskii analiz: Dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Gender stereotypes in political sphere of contemporary Russian society: sociological analysis: Diss. (Dr. Sc.)], Ivanovo.

- Riabova, T., Riabov, D. (2020) Infantilising the Other: the metaphor of childhood in Russia's media discourse on international relations, *Australian Slavonic & East European Studies*, vol. 34, pp. 125—149.
- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2020) "...Slyshu rech' ne mal'chika, no muzha": o genderno-vozzrastnykh stereotipakh v politike ["Not a boy, but a man": on the gender-age stereotypes in politics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 5—13.
- Riabov, O., Riabova, T., Kleshchenko, L. (2022) "Save the children!": the symbol of childhood and (de)legitimation of power in Russian protests, 2017—21, *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, vol. 11, no. 2, pp. 235—252.
- Saraliev, Z. M., Tatarchenko, A. F., Balabanov, S. S. (1997) Otnoshenie k partiiam i politicheskie orientatsii zhenshchin [Attitudes towards parties and political orientations of women], in: Khasbulatova, O. A. (ed.), *Zhenshchiny v zerkale sotsiologii*, Ivanovo: Iunona, pp. 12—16.
- Schneider, D. (2003) *The Psychology of Stereotyping*, New York, London: The Guilford Press.
- Seltzer, R. A., Newman, J., Leighton, M. V. (1997) *Sex as a Political Variable: Women as Candidate and Voters in US Elections*, Boulder: Lynne Rienner Publishers.
- Veber, M. (2008) Tipy gospodstva [Types of domination], *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, no. 2, pp. 27—40.
- Vowles, K., Hultman, M. (2021) Dead white men vs. Greta Thunberg: nationalism, misogyny, and climate change denial in Swedish far-right digital media, *Australian Feminist Studies*, vol. 36, no. 4, pp. 1—18.
- Williamson, J. B., Evans, L., Powell, L. (1982) *The Politics of Aging: Power and Policy*, Springfield, Ill.: Thomas, available from <https://www.google.ru/search?newwindow=1&hl=ru&sxsrfr=APwXEdeXEMAVNjerVjYe2BTipq2B5D1csw:1685262715572&q=inauthor:%22Linda+Evans%22&tbm=bks> (accessed 10.06.2023).

Статья поступила в редакцию 11.06.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2023; принята к публикации 03.07.2023.

The article was submitted 11.06.2023; approved after reviewing 26.06.2023; accepted for publication 03.07.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Рябова Татьяна Борисовна — доктор социологических наук, профессор кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Political Science, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Рябов Олег Вячеславович — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, riabov1@inbox.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Leading Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).